«И скончашася дние плача
сетования о Моисеи, и не возста
ктому пророк во Израиле, якоже
Моисей»

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

1826 г.

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана;
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из тайных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною,
Просияй сквозь сумрак дум,
И созиждутся Тобою
Сердце чисто, светел ум.

...И ныне с высоты

духовной

Мне руку простираешь ты,

И силой кроткой и

любовной

Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима

Отвергла мрак земных сует,

И внемлет арфе Серафима

В священном ужасе поэт.*

* *Первоначальный вариант*:

Твоим огнем душа согрета

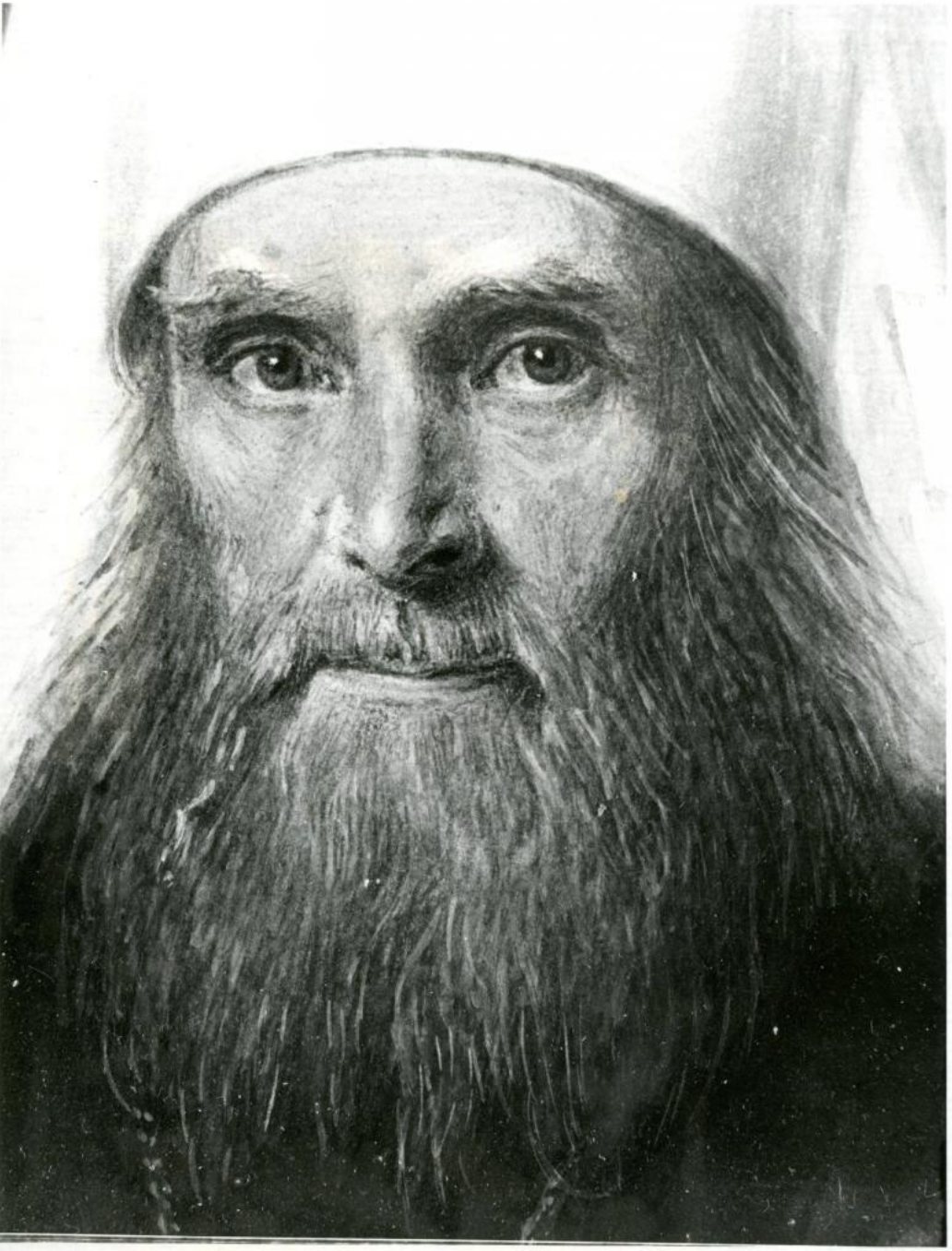
Отвергла мрак земных сует,

И внемлет арфе Филарета

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.

<…>

И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».



Близок последний труд жизни, плаванье злое кончаю.

И уже вижу вдали казни горького зла.

Тартар ярящийся, пламень огня, глубину вечной ночи,

Скрытое ныне во тьме, явное там в срамоте.

Но, Блаженне, помилуй, и хотя поздно, мне даруй

Жизни остаток моей добрый по воле Твоей.

Много страдал я, о Боже Царю, и дух мой страшится

Тяжких судных весов, не низвели бы меня.

Жребий мой понесу на себе, преселяясь отсюда –

Жертвой себя предая скорбям, снедающим дух,

Вам же, грядущие, вот заветное слово: нет пользы

Жизнь земную любить.

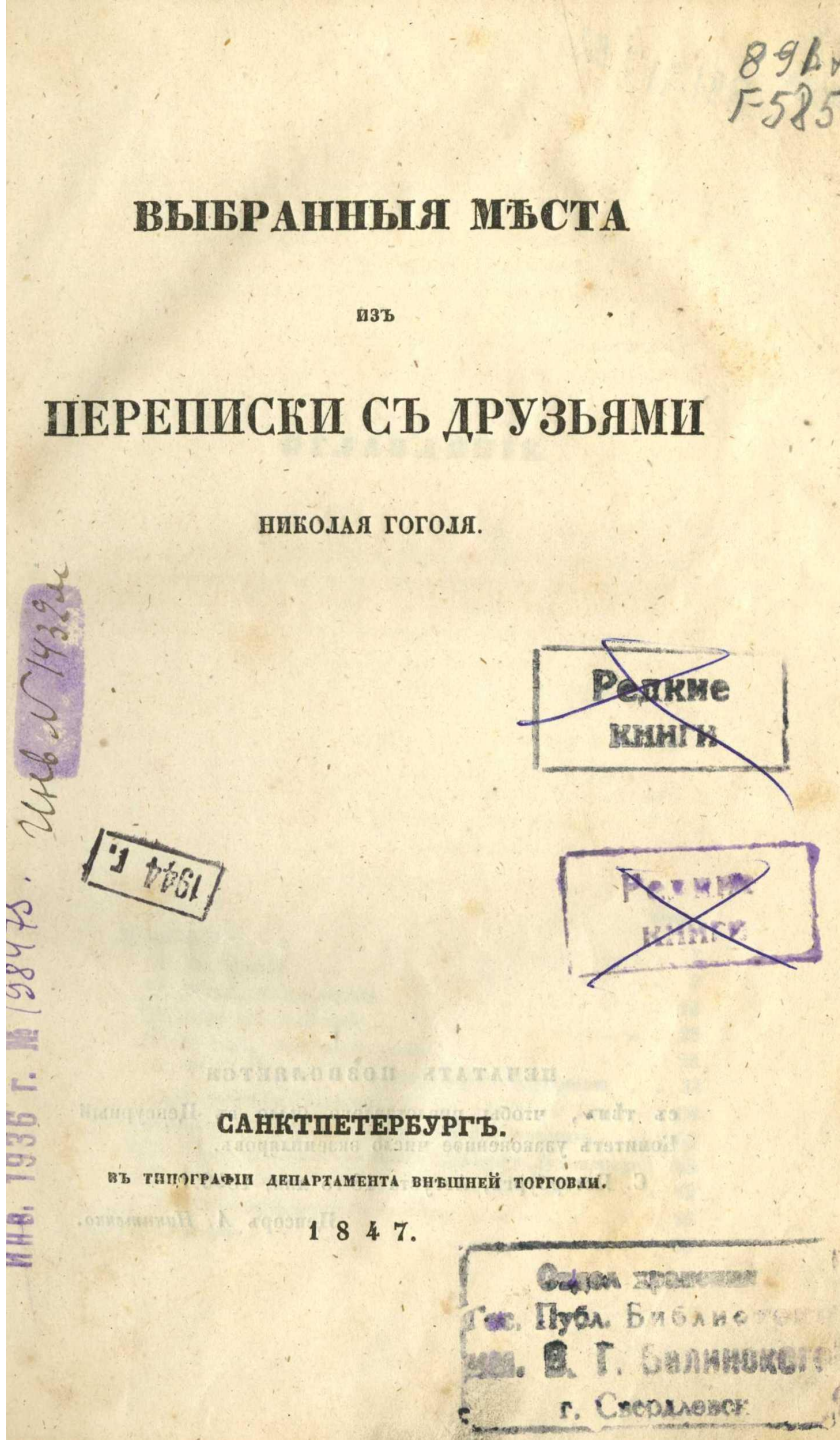
Жизнь разрешается в прах.

Учение свт. Филарета Московского о слове и русская словесность

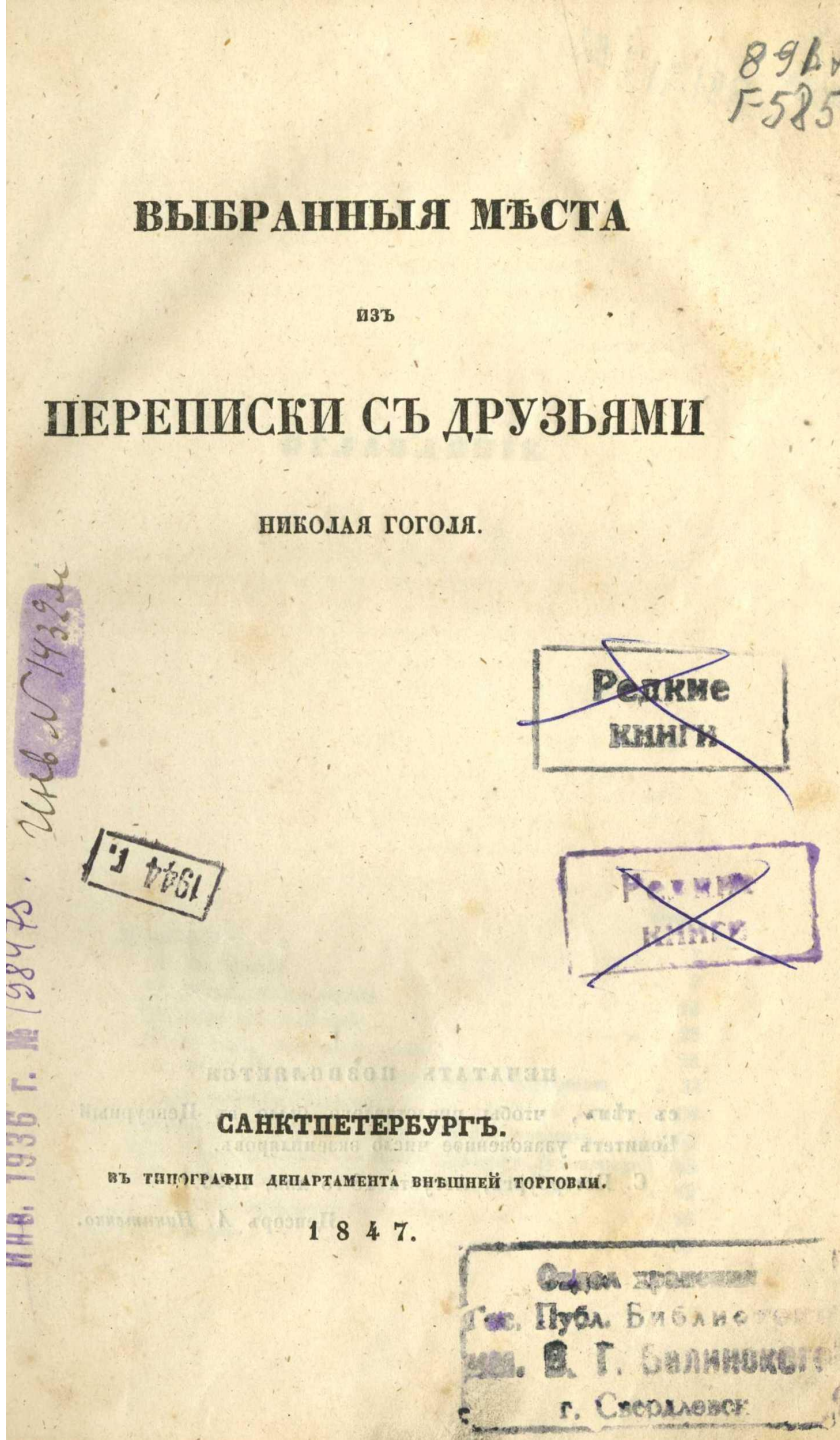
Служитель словесности и служитель Слова

«Нет лучшей участи, как умереть в Риме; целой верстой здесь человек ближе к божеству»

«Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов -- что вы делаете! Взгляните себе под ноги, -- ведь вы стоите над бездною... Что вы подобное учение опираете на православную церковь, это я еще понимаю: она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачем вы примешали тут? Что вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения»



Книга «издаёт из себя и свет и тьму. Религиозные его понятия неопределённы, движутся по направлению сердечного вдохновения неясного, безотчётливого, душевного, а не духовного. Он писатель, а в писателе непременно „от избытка сердца уста глаголют“, или: сочинение есть непременная исповедь сочинителя, по большей части им не понимаемая, а понимаемая только таким христианином, который возведен Евангелием в отвлеченную страну помыслов и чувств в ней различил свет от тьмы; книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы Истины. Тут смешение; тут между многими правильными мыслями много неправильных»



Служитель словесности и служитель Слова

Довольно сказать тебе только то, – пишет он, – что когда я начал читать Пушкину первые главы из “Мертвых душ” в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачней, сумрачней, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтенье кончилось, он произнес голосом тоски: “Боже, как грустна наша Россия!” Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это карикатура и моя собственная выдумка»

– «Слово клеветы и осуждение действует на клевещемого так, что может сделаться